

Опальная графиня

Евдокия РОСТОПЧИНА

1811, Москва — 1858, там же

Евгений ЕВТУШЕНКО

Как расточительна была Ростопчина —
на гружбу, на любовь,
стихи и пиршества:
«Когда люблю, тогда мне
лучше пишется...» —
обмахивалась веером она.

Она умела прятать столько болей,
шлейф сплетен элегантно волоча
и, как воздушный палантин соблазней,
опалу царскую за дерзость своеволий
накинув элегантно на плеча.

Как расточительна была Ростопчина
во времена опал, почти что благосных,
по счастью, не дожив до нар гулаговских
и на сто первом километре топчана.

Она была и скрытница, и умица.
И, свои тайны пряча глубоко,
«Когда пишу, тогда мне
лучше пишется...» —
какому киверу шептала на ушко?

Ее отец был вечно занятым чиновником, мать — из помещичьей семьи, соединившей провинциальную основательность со светской суетностью. Додо, как называли девочку дома, исполнилось всего шесть лет, когда матери не стало, и выросла будущая писательница у деда с бабушкой по материнской линии.

«Книги заменяли ей воспитателей». — не без оглядки на собственную жизнь напишет Ростопчина об одной из своих героинь. О себе, правда, могла бы рассказать, услав интригу, потому что росла и развивалась под впечатлением не только от домашних книг, но и от семейных литературных занятий. Ее бабушка перевела с английского «Потерянный рай» Джона Мильтона. Дядя был писателем, отец и брат сочиняли в рифму. Сама она с семи лет начала писать стихи по-французски, с тринадцати или четырнадцати — по-русски.

Не считаясь с сердечными склонностями, жениха ей подыскали без странностей, из шалунов и кутил, зато на три года моложе и с графским титулом — сына знаменитого московского генерал-губернатора.

Как из житейского неблагополучия рождалась поэзия Ростопчиной, замечательно рассказал Владислав Ходасевич: «Чтя в себе два существа, женщину и поэта, она в известном смысле отдавала предпочтение именно женщине: ведь поэт жил в ней, питаясь ее женскими чувствами, мечтаемый рай *была* выросла из корней *быта*. Женщина была несчастна в личной судьбе: поэт создавал из этого трагедию любви. Дама боялась светского осуждения: жалкое чувство. Но поэт умел преобразить его в чувство тайны. Так непрестанно растила она свое большое и главное из своего малого и случайного».

Младший брат Ростопчиной был товарищем Лермонтова по Московскому благородному пансиону, и Лермонтова знала она еще подростком, прежде чем познакомилась с Пушкиным. Пушкин же, как и Жуковский, Вяземский, Соллогуб, Гоголь, запросто бывали на «субботах» в ее петербургском салоне.

25 апреля 1838 года Жуковский написал ей: «Посылаю Вам, Графиня, на память книгу, которая может иметь для Вас некоторую цену. Она принадлежала Пушкину; он приготовил ее для новых своих стихов, и не успел написать ни одного; мне она досталась из рук смерти, я начал ее; то, что в ней найдете, не напечатано нигде. Вы дополните и dokonчите эту книгу его. Она теперь

достигла настоящего своего назначения». В этот альбом Жуковский вписал для Ростопчиной, кроме своих переводов из «Греческой антологии», стихотворение на смерть Пушкина «Он лежал без движения, как будто по тяжелой работе...». Оно, кстати, теперь печатается иногда под названием «Из альбома, подаренного гр. Ростопчиной».

Так что Лермонтов не был оригинальным, когда, уезжая в 1841 году на Кавказ безвозвратно, подарил Ростопчиной альбом для стихов. Правда, открыл его посвященным ей стихотворением:

Я верю: под одной
звездой
Мы были с вами
рождены...

А из Пятигорска в письме выговаривал бабушке за то, что она не выслала ему тотчас книгу Ростопчиной «Стихотворения» (1841), которую после его отъезда Додо передала Е.А. Арсеневой с надписью: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому».

Камерное стихотворение Ростопчиной «Талисман» Дельвиг поместил в альманахе «Северные цветы» на 1831 год. Это была ее первая публикация. А стихи того же времени, продиктованные горячим сочувствием к декабристам, появились в печати много позже. Стихотворение «К страдальцам-изгнанникам», например, только в 1926 году.

Из Италии в 1845 году Ростопчина отправил в болгаринскую «Северную пчелу» аллегорическое стихотворение «Насильный брак». При невнимательном, беглом чтении его можно было принять за вполне заурядную историю притеснения жестоким старым бароном своей непокорной, мятежной жены. Гоголь, выслушав от Ростопчиной это стихотворение, посоветовал: «Пойдите в Петербург, не поймут и начатают... Вы не знаете тупости нашей цензуры, а я знаю. Пошлите!».

Стихи действительно были напечатаны — и разразился скандал. В них за семейным разладом отчетливо проступал конфликт во взаимоотношениях России и Польши. По возвращении Ростопчиной в Петербург ее вызвал шеф жандармов граф Орлов. Наказанием стало удаление из столицы. Поселившись в Москве, Ростопчина продолжает устранивать здесь свои «субботы», которые посещают Михаил Погодин, Александр Островский, Алексей Хомяков, Николай Павлов... И если прежде ее воспринимали как западницу, то теперь зачисляли в славянофильки. Борьба партий, естественно, обнаружилась пренебрежительное отношение к поэзии. Те, кто еще недавно поощрял Ростопчину за ее стихи, стали нападать на них из-за осуждения ее самой. Заметавшись, она втянулась в литературную полемику, раздавая оплеухи направо и налево, чем только подлила масла в огонь. Николай Огарев адресовал Ростопчиной стихотворение «Отступнице», требуя от нее немедленного покаяния. Ничего, кроме раздражения, этот накат вызвать не мог.

Ростопчина прожила всего 47 лет, но успела в полную силу испытать поколенческое одиночество:

Сонм братьев и грузей моих далёко.
Он опочил, окончив жизнь свою.
Не мудрено, что жрицей одинокой
У алтаря пустого я стою.

Разговор во время мазурки

Смеетесь вы?.. Чему?.. Тому ль, что в двадцать лет
Разумно я смотрю, без грез, на жизнь и свет,
Что свято верую я в долг и в добродетель?..
Что совести боюсь, что мне она свидетель
Всех чувств и помыслов, всех тайн моей души?..
Что сохранит себя в покое и тиши
Я искренно хочу, гнушая порока,
Чтоб век мой женщиной остаться без упрека?..
Тому ль смеетесь вы, что сердцу волю дать,
Что участью своей бессмысленно играть
Я не намерена, страхась волнений страсти;
Что перестала я давно гадать о счастье,
Мне не назначеном, — и, голову склоня,
Сказала я себе: «Нет счастья для меня!..».
Так это вам смешной! Бог с вами!.. Смейтесь, смейтесь!..
Но только, я прошу, напрасно не надейтесь
Лукавой речью мой разум омрачить
И сердце женское увлечь и победить
Хитросплетенными софизмами своими!..
Я знаю — мастер вы искусно сыпать ими!..
Оно в привычку вам, и уж не в первый раз...
И хоть вы молоды, уж не одна из нас
Вам слепо вверилась, забывши честь и клятвы...
Но я не такова!.. Но с ними вместе в ряд вы
Не ставьте и меня!.. Я не шушу собой,
Я сердцем дорожу; восторженной душой
Я слишком высоко ценю любовь прямую,
Любовь безмолвную, безгрешную, святую,
Какой нам не найти здесь, в обществе своем!..
Иной я не хочу!.. Друг друга не пойдем
Мы с вами никогда!.. Так лучше нам расстаться...
Лишь редко, издали, без лишнего слов встречаться!..
Хоть я и говорю: «Никто и никогда!» —
Я так неопытна, пылка и молода,
Что, право, за себя едва ли поручусь я!..
Мне страшно слышать вас... смотреть на вас боюсь я!..
Подите!.. Много здесь найдете вы других,
Блистательней меня, милей, смелей, таких,
Каких вам надобно для шутки, для игрушки!..
Кокеток много здесь... Есть также и вертушки,
И львицы модные... подите их пленять
И легкой клятвой их легкость искушать!..
А я... Безрадостной судьбе моей послушна,
Я буду век одна... век грустно-равнодушна...

Насильный брак

Баллада и аллегория

Посвящается мысленно
Мицкевичу

Старый барон
Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткий господина зов!
Судите, не боясь опалы, —
Я правду выслушать готов!
Судите спор, вам всем знакомый:
Хотя могуч и славен я,
Хотя всесильным члут меня —
Не властен у себя я дома:
Всё непокорна мне она,
Моя мятежная жена!

Ее я призрел сиротою,
И разоренной взял ее,
И дал с державною рукою
Ей покровительство мое;
Одел ее парчой и золотом,
Несметной стражей окружил,
И, враг ее чтоб не сманил,
Я сам над ней стою с булатом...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена!

Я знаю — жалобой, наветом
Она везде меня клеймит;
Я знаю — перед целым светом
Она клянет мой кров и щит,
И косо смотрит, исподлобья,
И, повторяя клятвы ложь,
Готовит козни, точит нож,
Вздвухает огонь междоусобья;
И с ксендзом шепчется она,
Моя коварная жена!..

И торжествуя, и довольны,
Враги мои на нас глядят,
И гразнят гнев ее крамольный,
И суетной гордыне льстят.
Совет мне дайте благодетельный,
Судите, кто меж нами прав?
Язык мой строг, но не лукав!
Теперь внемлите непокорной:
Пусть защищается она,
Моя преступная жена!

Жена

Раба ли я или подруга —
То знает Бог!.. Я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?..
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я;
Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый.
Я предана, я продана —
Я узница, я не жена!

Напрасно иго роковое
Властитель мнит озолотить;
Напрасно мщение, мне святое,
В любовь он хочет превратить!
Не нужны мне его щегольства!
Его я стражи не хочу! —
Сама строптивых научу
Платить мне честно дань почета.
Лишь им одним унижена,
Я враг ему, а не жена!

Он говорит мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом;
Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим
И предков храмам вековым,
Как предки славные, молиться...
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена.

Послал он в ссылку, в заточенье
Всех верных, лучших слуг моих;
Меня же предал притесненью
Рабов — лазутчиков своих.
Позор, гоненье и неволю
Мне в брачный дар приносит он —
И мне ли ропот запрещен?
Еще ль, терпя такую долю,
Таить от всех ее должна
Насильно взятая жена?..